

Иван БУРАКОВ

Москва

Иван Андреевич Бураков родился в подмосковной Щербинке. В 2012 году получил учёную степень кандидата технических наук. С 2013 года читает лекции и ведёт практические занятия для студентов Национального исследовательского университета «МЭИ». Занимает должность доцента. Автор более пяти десятков научных статей, учебных и методических пособий. Художественные рассказы, публицистика и очерки опубликованы в журналах «Бийский вестник», «На русских просторах», «Белая скала», в альманахе «Новый Енисейский литератор», в электронной версии журнала «Чайка» (Seagull). Официальный сайт автора: dovolny.info

БА

Очерк

Продолжение. Начало в «НЕЛ» № 1/2023

2.

Нам уже и не понять их поколения.

Лишь по прошествии времени приходит осознание сути процессов, чувств, восприятия. Почему всё именно так случилось? Почему всё именно так происходит?

Вокруг села раскинулись заброшенные поля, заполнившие пространство своим зарастающим телом. Есть ещё дорога, отпадающая, словно ветка от ствола, от основной трассы. Вдоль трассы проложена нитка железнодорожной колеи. У поворота на село (у основания той самой «ветки») стоят дома, местами прогнившие до черноты брёвен, с провалившимися крышами, с дырами в частоколах, и расположена железнодорожная станция — платформа да семафор подле неё. Дорога от трассы к селу перепрыгивает по мосту через водный поток реки Железница и затем слегка поднимается на пригорок.

Здесь дуют ветра, набирающие силу в полях и с размаху выплёскивающие её на дома, что группируются на пригорке.

Село носит название Белый Колодезь. Здесь бабушка родилась в 1921 году, в семье крестьянина.

Прадед её, Петром звали, был крепостным. Служил конюхом у местного барина.

Словно напоминание, из села куда-то в поля по дороге худая лошадь тянет телегу. На облучке восседает ещё более худой загорелый мужик в серой клетчатой рубаше и серых же штанах. Он внимательно на нас смотрит: лица незнакомые, подозрительные. Слов лишних не роняет, удаляясь к одному ему известной цели.

Барин за усердную службу пожаловал Петру самую красивую девку на селе, то бабка Лукерья была. В тринадцать лет замуж пошла. Детишек нарожала двенадцать человек — шестеро выжили.

Деда бабушкиного звали Павлом, но в семье, в памяти осталось за ним прозвище Вихор.

«Вихор тебя заberi!» — ругательство, вылетавшее из его уст и приклеившееся вместо имени. Вихор был набожным, трудолюбивым, молился усердно, трудился ещё усердней, портным подрабатывал, чтобы денег на прокорм семьи заработать, шил на продажу вещи разные. Детей всех заставил в обязательном порядке окончить церковно-приходскую школу — те самые три класса. Может быть, оттуда у меня страсть к учению и пошла? А может быть, и нет.

Отец её, Урушенков Михаил Павлович, был мастером на все руки: столярничал, работал в поле, трудился, вёл хозяйство. Воевал в Первую мировую. Попал в австрийский плен.

Невесту Михаилу Павловичу выбрали из села Покровское, одного с Белым Колодезем Арсеньевского района. Из плена его ждали долго, уже и надеяться перестали на возвращение. Пелагею Георгиевну, будущую маму моей бабушки, в ту пору ещё Чиченину, решили всё-таки выдавать замуж, но за другого человека. Даже вещи в новый дом перевезти успели. Но отец бабушки моей оказался удачником, в ночь перед свадьбой вернулся в село и, не мешкая, вещи Пелагеи Георгиевны вернул обратно. На следующий год у Михаила Павловича и Пелагеи Георгиевны родился первый ребёнок, девочка, которую они назвали Леной.

Урушенкова Елена Михайловна — моя бабушка. Она старшая в семье. Всего у Михаила Павловича и Пелагеи Георгиевны родилось шесть детей.

Шёл 1927 год. Стояла страдная пора. Пелагея Георгиевна работала в поле. То ли от жары, то ли от холодной воды случился у Пелагеи заворот кишок. До больницы молодую женщину не довезли.

В Белом Колодезе искали мы на кладбище её могилу, да так и не нашли — времени много прошло, много воды в Железнице утекло.

Правда, ранее, в конце семидесятых, ездила бабушка наша в Белый Колодезь. Добиралась по железной дороге. Ночевала в тех самых домах, что стоят сейчас почерневшими от старости брёвнами и провалившимися крышами у поворота на село. Дома тогда жилыми были, ухоженными. В окошках свет до утра горел — шёл разговор долгий, неспешный. Жили в ту пору в одном из домов две женщины пожилые. Она им всю историю семьи за ночь рассказала, а они, видимо, вспомнив, отвели на следующее утро её на могилу Пелагеи Георгиевны.

Нет уже теперь ни женщин тех, ни бабушки нашей, ни могила прабабушки не отыскалась.

Мать Пелагеи Георгиевны вместе с оставшимися жителями села Покровское попала спустя четырнадцать лет после смерти дочери под немецкую оккупацию. Весь Арсеньевский район оккупирован гитлеровцами в 1941 году был.

— Матка, это кто? — указал на фотографию на стене немецкий офицер, войдя к Чичениным в дом.

С фотографии на офицера внимательно смотрели братья Пелагеи.

— Это сыны мои, — бойко ответила «матка».

— А где они сейчас?

— В Красной Армии, с вами воюют.

«Матку» вывели за палисадник и подле калитки расстреляли, строго запретив жителям села к ней прикасаться.

Позже, ночью, какая-то добрая душа утащила тело женщины и схоронила... неизвестно где.